

Е. К. Краснухина

ОТЕЧЕСКОЕ И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ

Психоаналитически истолкованная связь отец — сын рассматривается в статье как форма генетического отношения. Проблема генезиса раскрывается как идея отсутствия начала истории, как чистое прошлое, как невозможность нулевой степени истории. Братство тематизируется в тексте статьи и как общность унаследованной крови, и как общность преступно пролитой крови. Главной темой статьи является разделение Кантом политических режимов на деспотические, организованные по аналогии с властью отца в патриархальной семье, и цивилизованные, построенные на принципах братства и равноправия. Фамилиализм рассматривается как принцип, конституирующий религию, политику и социальную нормативность.

Ключевые слова: генезис, закон, запрет, желание, деспотизм, право, вина, братство, патернализм.

Elena K. Krasnukhina

PATERNAL AND PATRIOTIC

Psychoanalyst of the close tie between father and son is considered in the article as a form of genetic relationship. The problem of Genesis is revealed as the idea of absence of the beginning of history, as the pure past, as the impossibility of zero degree in history. Brotherhood is regarded as a community of inherited blood, as well as a community of the criminally shed blood. The main concern of the article is the distinction made by Kant between the oppressive political regimes, organized by analogy with the power of the father in the Patriarchal family, and the civilized ones, built on the principles of brotherhood and equality. Familialism is considered to be a principle constituting religion, politics and social normativity.

Keywords: Genesis, law, ban, desire, despotism, right, wine, brotherhood, paternalism.

Рождение натурально, а родство символично: «Рождение принадлежит природе, родство — его обозначению» [1, с. 205]. Таково открытие культурной антропологии, семиологии, психоанализа. И Фрейд, и Лакан, и Рикёр писали не о фигуре реального отца, а об образе, символе отца в строе знаков культуры. Означающее «отец» имеет различные означаемые, и идея генезиса далеко не единственная в их числе. Ветхий Завет, называя Бога Отцом, мыслил отца как прародителя, духовного наставника, законодателя, освободителя, спасителя, господина. Выделив в отношении отец — сын генеалогический ракурс, мы получим определенную генеалогию власти.

Символ отца погружает нас в средоточие генеалогической проблематики. Метафизика первоначала, оспариваемая генеалогией морали Ницше и археологией знания Фуко, как это ни странно, сходится с современной философией истории в мысли об отсутствии момента начала во времени. «Быть современным человеком — не значит ли это досконально знать то, что уже нельзя начать сначала?» [2, с. 422]. Эту бартовскую мысль можно усилить: историю нельзя начать с начала не только в том смысле, что невозможно вернуться к первоистоку, но история вообще никогда не может начаться с отсутствующего у нее начала. Бытие индивида «начинается не с нуля (как для тигра, который каждый раз должен начинать свою жизнь заново), а с некоторого позитивного баланса, к которому он добавляет свое собственное бы-

---

Краснухина Елена Константиновна — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; lenakras@yandex.ru

Krasnukhina Elena K. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; lenakras@yandex.ru

тие. Формально человек не первый человек и не вечный Адам, а второй человек, третий и т. д.» [3, с. 470]. Тигр как вещь является природой, бытие-тигром каждый раз начинается и заканчивается некой сущностью этого живого существа. Его бытие — вне времени и вне истории. Историчность человека, лишённого природы, заключается в неспособности быть тем же самым, уже бывшим, в негации любого ставшего и наличного бытия. История есть становление, появление нового и отрицание прошлого, тождество с которым для исторического субъекта невозможно. Историческое наследство необходимо как предмет негации и разотождествления, поэтому быть историческим и означает быть безначальным, всегда уже продолжающимся, имеющим предшествующее в качестве предпосылки. Такова идея отсутствующего исторического нуля, невозможности исторического возникновения из ничего. Даже если история и имеет конец, она есть процесс с отсутствующим началом.

Интересен в данном отношении анализ феномена любви с первого взгляда, проведённый словенским философом психоаналитического склада М. Доларом. Миф о первой встрече влюбленных гласит, что феноменологически она дана как узнавание, а не знакомство. «Неожиданное узнавание предполагает, что первый раз — это уже повторение» [4, с. 21]. Выражается это в чувстве вечной предназначенности друг другу, уже созданности друг для друга, любви, которая была всегда, даже до первой встречи с ее непосредственным предметом. Снимается временной характер события, осознание его как начала отношений. «Первая встреча создает свою предысторию» [4, с. 22]. Всё это вполне соответствует логике платонизма, реконструированной Делёзом в понятии чистого прошлого. Последнее подразумевает не объективно истинную реконструкцию прошлого исторической наукой, а особую разновидность прошлого, никогда не бывшего настоящим, прошлого мифического, а не исторического. Какой бы ранний момент исторического времени мы не взяли, чистое прошлое предшествует ему, оно существует по принципу «всегда уже». Под чистым прошлым можно подразумевать идеальный прообраз, онтологически и логически, но не исторически предшествующий эмпирическому факту. Такая метафизика первоначала строится на той же идее отсутствия начала истории, ибо в ней начало имеет сущностный, а не временной характер.

Познание исторично. Аналогично истории, оно никогда не начинается с нуля, с *tabula rasa*, с чистого разума. Познание ситуативно и предрассудочно. Некий объем уже наличествующих представлений является неотъемлемой предпосылкой деятельности разума. Герменевтический круг понимания есть фигура безначальная и бесконечная. Множественное и процессуальное понимание не может завершиться, но одновременно оно не может начаться с абсолютного нуля.

Аналогичную ситуацию ложного, мифического, а не исторического предшествования мы имеем во фрейдовском мифе об отцеубийстве, оспоренном Лаканом. Отец стал олицетворением закона и запрета на инцест в сфере символического, однако, с позиции Лакана, источником отказа от избыточного наслаждения была конвенция братьев, а не воля патриархального отца. Братство людей не мыслится здесь как кровное родство: «Энергия, которая уходит у нас на братанье, наглядно доказывает, что мы никакие не братья» [5, с. 143]. Братство, неотделимое от равенства, есть некое общественное соглашение и добровольно принятый принцип жизни. Отец имеет роль не законодателя, а того, кто трансgressирует символический закон, наслаждаясь всеми женщинами рода. Только «мертвый отец и есть страж наслаж-

дения, источник наложенного на него запрета» [5, с. 155]. Вначале было убийство отца, а потом — запрет как форма признания своей вины и отцовской воли, полагает Фрейд. Для Лакана первичен запрет, из которого задним числом возникает мифическая, а не реальная фигура отца, высказывающая, как всякий миф, сферу невозможного. Не отцеубийство предшествует запрету, а желание — закону, но принятие конвенции, табуирующей инцест, которое Леви-Стросс считал переходом от природы к культуре, а Лакан — от воображаемого к символическому, порождает мифическую предысторию изначального акта. «За запрещением должно скрываться желание», — с точки зрения Фрейда, запрещению подвергается только то, что желанно. Лакан изменил это соотношение: желание не предшествует запрету, а впервые возникает в символической сфере закона как нечто изначально запрещенное.

Идея генезиса противоположна идее субъекта. Субъектность субстанциальна, субъект выступает носителем самопроизвольной активности и автономии. Как *causa sui* он порождает сам себя в акте свободного самополагания. Отцовство и сыновство, напротив, суть генетические категории. Отцовство — это бытие причиняющее, порождающее, сыновство — не субстанциально, а производно. Патриархальный фамилизм предполагает, что власть причины-отца над следствием-сыном сохраняется и впоследствии. «Я тебя породил, я тебя и убью», — говорил сыну Тарас Бульба. Существование, данное отцом сыну, может быть взято назад. Напротив, христианский Бог-Отец дарует свободу своему творению — человеку, создавая тем самым парадигму блудного сыновства. Однако, согласно воле высшего Отца, смерть ожидала и его Сына. Как видим, насильственная смерть или убийство, наряду с любовью, постоянно мыслятся в качестве конституирующих родство и субъективность феноменов. Отношения отцовства — сыновства предполагают еще и отношения братства. В основе первых лежат любовь и господство, т. е. структуры, не предполагающие равенства и симметрии взаимоотношений; отношения братства базируются на противоположном принципе равенства взаимных обязательств.

Братство может конституироваться различным образом. Во-первых, через принцип отчества, через объединяющую братьев любовь к общему отцу, генезису и субстанциальности своего бытия. Братское сообщество оказывается в этом случае производным от сыновства каждого из людей: «Бог не есть *мой* Отец, а «*наш* Отец»», «имея Отца, я тем самым имею и братьев, емь член семьи» [6, с. 309], — такова религиозно-христианская интерпретация оснований метафизической социальности и братства людей, сформулированная С. Л. Франком в книге «С нами Бог». Во-вторых, братство может мыслиться как эмансипация от отцовской власти, как общность преступления — убийства отца, как общность не унаследованной, а пролитой крови.

Основная мифологема психоанализа связывает генезис цивилизации именно с переходом от отношений сыновства к отношениям братства, достигнутым через отцеубийство. Тотемическая культура как первая ступень перехода от первобытной патриархальной орды к цивилизованной социальности есть культура братства, а не деспотизма патриархальной семьи, утверждал Фрейд. Отсроченное удовольствие по-прежнему остается конститутивным признаком социальности, но интериоризация основных запретов и ограничений отличает их цивилизованную конвенциональную форму бытования от патриархальной власти как внешнего насилия. Цивилизованная социальность тематизируется как братство, а не сыновство людей,

ибо братские отношения трактуются как паритетные, контрактные, основанные на равенстве взаимных обязательств, а отношения отца и сына — как иерархичные, несимметричные, совмещающие в себе любовь и власть.

В чем заключается цивилизаторская роль символа отцеубийства или тираноубийства в становлении социальности, власти и индивидуальности человека? Почему цивилизованная социальность, отношение гражданское, а не деспотическое, может тематизироваться как братство, а не сыновство людей? Новый тип социальных отношений, которые можно условно именовать «Обществом без Отца», конституируется вне символики Родины-матери и Отца всех народов. Признаком такого типа общества является, во-первых, отсутствие тоталитарной власти, зиждущейся на страхе и насилии. Заметим, что среди адептов психоаналитического дискурса всегда находились желающие интерпретировать символику серпа и молота не как трудовую, а как кастрационную, указывающую на отеческий характер власти того государства, которое использует ее в своем гербе. Во-вторых, это общество, свободное от любви к этой деспотической власти, от поклонения ей, от либидозного инвестирования в инстанцию власти. При правовом общественном режиме подчиняться надо закону, а не тирании власти отца или собственного желания.

Согласно теоретической конструкции гражданского общества, «верховность» власти, суверенитет переходит к основанию социальной пирамиды. Суверенитет народа есть сфера независимости каждого члена гражданского общества, который становится субъектом прав и свобод, а не объектом администрирования и опеки, не предметом власти и заботы. Правовые нормы, ограничивающие власть в гражданском сообществе, сущностно антиавторитарны. Правовое государство гарантирует своим гражданам автономность поведения, независимость в определении своего интереса, цели и блага. Меняется сама концепция власти, ее социально-психологический фон: не отеческая забота о благе подданных, а правление, обеспечивающее их самостоятельность, становится сутью правового государства. Отныне власти возбраняется относиться к управляемым как к несовершеннолетним, как к детям, следует принимать их за совершеннолетних субъектов права, интеллектуально и граждански зрелых людей.

В «Метафизике нравов» Кант различает два основных режима власти. Одним из них является правление, суть которого составляет опека над управляемыми как над несовершеннолетними, нарушающая основное гражданское право личности, которое Кант видел в том, чтобы быть никем не представляемым в своих юридических действиях, дееспособным и правомочным в преследовании своих целей и интересов. Такое правление «следовало бы назвать *деспотическим* в противоположность *патриотическому*, под которым, однако, подразумевается не *отеческое* правительство (*regimen paternale*) — самое деспотическое из всех правительств (к гражданам относятся как к детям), а *отечественное* (*regimen civitatis et patriae*), при котором само государство (*civitas*) хотя и обращается со своими подданными как с членами одной семьи, но в то же время относится к ним как к гражданам государства, т. е. по законам их собственной самостоятельности, каждый из них сам себе гражданин» [7, с. 238]. Итак, следует различать два принципиально различных принципа управления — деспотическое и патриотическое (в терминологии Канта), отеческое и отечественное, или патернализм и патриотизм.

Символ Отца, ассоциируемый с логоцентризмом или фаллоцентризмом, играет роль ключевого деспотического означающего европейской культуры. Если для Фрейда символ отцовства есть основной архетип власти, конституирование родственных отношений отца и сына есть генезис политического господства, а «Сверх-Я» как социальный закон во мне есть интериоризация фигуры патриарха с его властными требованиями, то для постмодернистского проекта «Анти-Эдипа» Делеза и Гваттари фамилиализация и эдипизация человеческих отношений не исходна, а производна от политической репрессии конкретно-исторического типа. Последняя из этих двух парадигм подразумевает, что не фантазм отца проецируется на образ политического вождя, порождая и наполняя его, а, напротив, политическая власть, предполагающая различные формы гнета, задает идентификацию любого индивида, являющегося объектом этой власти, через образ Эдипа как персонификацию дискриминированного сыновства.

Чувство вины конституирует культуру. «Из сознания вины сына» члены тотемического клана «создали два основных табу тотемизма, которые должны были поэтому совпасть с обоими вытесненными желаниями Эдипова комплекса» [8, с. 228], т. е. с желанием убить отца и вступить в инцестуальные отношения с матерью. Все последующие за Фрейдом мыслители сходились в том, что убийство главы патриархальной орды как реальное событие никогда не имело места в истории. Однако признается «и притягательность этой грезы, и ее способность оформлять мысли людей без их ведома» [9, с. 22]. Через психологический феномен вины культура предписывает, что желать, и делает желание чем-то изначально запрещенным.

Ответ на вопрос: «Кто виноват?» — неоднозначен, ибо вина сына замещает вину отца. В качестве определяющего признака отцовства для Р. Барта выступает не кровь, не пол, не власть, а предшествование. Вина приходит извне, из предшествования, она сконцентрирована в фигуре отца. Мучения, причиняемые властью отца или Бога, можно оправдать задним числом, заслужив их и приняв свой статус виновности. «Признание своей виновности — это не великодушное самопожертвование: это боязнь открыть глаза и увидеть виновность Отца» [2, с. 193]. Эту формулу можно применить и к главной мифологеме христианства — к мученическому искуплению Сыном Божиим грехов всего человечества. Секрет всякого трагизма раскрывается в тезисе: «Всякий трагический герой рождается невинным: он делает себя виновным, чтобы спасти Бога» [2, с. 192]. У этой идеи виновности сына как перехваченной вины отца есть и политические импликации. Тоталитарный режим превращает жизнь своих подданных в непрерывный трибунал. Если мысль о несправедности высшей инстанции оказывается непереносимой для невинно обвиненного человека, то способом самозащиты становится для него допущение собственной вины, избавляющее от устрашающего признания виновности судьи. Такого рода ситуация моделируется в романе Артура Кёстлера «Слепящая тьма». Почему подавляющее большинство репрессированных при сталинском режиме людей признали свою фактически отсутствующую вину? Объяснить этот факт только оказываемым на них физическим воздействием нельзя. Многие из них были людьми духовно стойкими и физически выносливыми. Кроме страха и боли в действие вступал и иной психологический механизм: если отец виновен, сын должен искупить его вину, приняв ее на себя. Оправдание системы в целом оказывалось последним шансом сохранить идеалы и убеждения, пусть и ценой самооговора.

В «Феноменологии духа» Гегеля в качестве схемы рождения самосознания в отношениях власти и труда рассмотрен треугольник: господин — раб — вещь. Позднее психоанализ задает иную, а именно семейную триангуляцию формирования общественных феноменов власти, бунта, желания, закона: отец — мать — сын. Фамилизм рассматривается в данном случае как принцип, конституирующий религию, политику и социальную нормативность.

Литература

1. Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство, 1996. 270 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика, Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. 616 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Избр. труды. М.: Весь мир, 1997. 704 с.
4. Долар М., Божович М., Зупанич А. Истории любви. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с.
5. Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969–70)). М.: Гнозис; Логос, 2008. 272 с.
6. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
7. Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4, ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
8. Фрейд З. Тотем и табу. СПб.: Азбука-классика, 2005. 256 с.
9. Батай Ж. История эротизма. М.: Логос, 2007. 200 с.

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2013 г.